

12+

Виктор Зубенко

Уроки жизни.

Виктор Иванович Зубенко

Уроки жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55600402

SelfPub; 2020

Аннотация

В книге описываются события и факты Великой Отечественной Войны, лишения и страдания людей на фронте и в тылу.

УРОКИ ЖИЗНИ.

Наш отчий дом отец построил на краю села, можно сказать на берегу речки. Сразу за огородом в 30 метрах было первое русло реки Тентек, которое имело изгиб почти на 90 градусов. Как раз на этом изгибе была большая заводь и высокая круча больше трёх метров, с которой мы, пацаны, прыгали в воду.

Сразу за речкой рос красивый кустарный лес, в основном тальник, шиповник, облепиха и было много ежевики. Росли и высокие ивы, карагачи и тополя. За небольшим лесом протекало второе русло реки, которое мы называли – «второй Тентек». Потом смешанный лес простирался на несколько километров и заканчивался третьим руслом и все звали его «Герасим». Затем снова лес, сенокосы и четвёртое русло – «Дорбак». Вот так русла реки образовывали три острова. Поэтому наше село и называли Ушарал, что в переводе с казахского языка – три острова. За селом все русла сливались в одно и дальше река, извиваясь через многие километры, впадала в озеро. Вдалеке виднелись отроги Джунгарских гор. Места конечно очень красивые, которые невозможно описать словами.

Обычно мы пропадали на речке круглый год. Зимой катались на лыжах между кустами, покрытыми снегом. Снег всегда был белым, белым и слепил глаза. А когда дул ветер, снег с шумом летел с деревьев, засыпая нас с ног до головы. На санках и лыжах мы катались на «крепости». Да, это

раньше была средневековая крепость и от её стен остались только пологие бугры, с которых мы и скатывались. Зимой мы ставили петли на зайцев, куда иногда попадали не зайцы, а бродячие коты.

С начала весны катались на льдинах, и бывало, провалишься по пояс в ледяную воду, а потом сушишь одежду на костре, что бы родители ничего не заподозрили. Когда воды было много, на берегу, мы играли в колышки, с силой втыкали колья в мокрую землю, стараясь сбить колышек напарника. Если сбиваешь, то забираешь кол себе. Каких только не было у нас игр: лянга, колышки, клё, городки, выбивала, кулик. Играли мы и в волейбол, баскетбол, футбол, только на полянах у речки или в лесу.

Ну а летом вообще была благодать. Вода была чистой, прозрачной и мы купались и ныряли до одури, Часто заходили вверх по течению реки и на накаченных автомобильных камерах по бурунам плыли вниз, иногда переворачивались и потом ловили свои камеры по реке.

Вечерами в лесу разжигали костры и жарили картошку, которая была самым вкусным блюдом.

Мой старший брат Вася был старше меня на 4 года, поэтому у нас были разные игры и друзья, но я иногда ещё насмеливался задираться, за что всегда получал по полной программе.

Отец Иван и мама, которую звали Маруся, всегда были на работе, дома оставались только дед Алексей и баба Уля. Че-

рез 2 улицы жили мои вторые дед Степан и баба Саня – родители мамы. Я часто бегал к ним, помогал собирать яблоки, таскал дрова, и уголь в баню, иногда оставался ночевать. Дом у них был большой, четырёхкомнатный и места хватало. Жили они одни. Дети, Маруся, Зина и Павлик жили отдельно в своих семьях.

Дома тоже работы хватало, работа в огороде, да и воду надо было натаскать, дрова уголь, но оставалось время и для игр.

С ребятами мы часто играли в войну, и эта тема меня интересовала всегда больше других. Мы часами выпиливали из дерева себе пистолеты, наганы, винтовки, сабли и самострелы. А потом бились смертным боем команда на команду, бывало и до боли, и до крови. Всегда одна команда были советской, другая немецкой, но немецкой стороной никто не хотел быть и тогда мы кидали жребий.

У нас с братом была отдельная комната, где окно выходило в сад, откуда в комнату всегда пробирались различные запахи цветов, яблок, травы.

В то утро 1970 года, я проснулся рано от пения соловья. В форточку слегка дул ветерок, приносящий различные приятные запахи. Соловей обычно начинал петь с 5 часов утра и мешал снова заснуть. Я долго лежал на спине, закинув руки за голову, глядя в предрассветное небо, вслушиваясь в голоса птиц и сада. Вот по крыше стукнула ветка яблони, которую отец всё хотел спилить. Потом застучали капли дождя.

Рядом тихо спал брат. Он приехал на каникулы и скоро уедет снова учиться в Алма-Ату.

Сна не было, я всё думал, чем сегодня буду заниматься. Дождь усилился и я подумал:

– Вот и наступила осень, как жалко, что лето так быстро пролетело. Уже завтра первое сентября и нужно идти в школу.

Родители уже не спали, дед Алексей и баба Уля тоже. На кухне слышались какие-то звуки. Это мама с бабушкой готовили завтрак. В это время отец с дедом управлялись по хозяйству, кормили и поили корову, телка, овец и курочек.

– Ты что так рано встал? – спросила баба Уля, – поспал бы, ещё рано, да и сегодня выходной.

– Да нет, я уже выспался, – ответил я и вышел на улицу. Было мрачно и сыро, моросил дождь, и веяло прохладой. Сад был укутан небольшим туманом, и вдали шумела речка. Я накинул плащ и пошел к своей берёзке. Она стояла такая стройная, красивая и уже довольно высокая. Восемь лет назад я нашел эту берёзку с метр высотой за речкой, позвал деда Алексея. Мы её выкопали и посадили в конце огорода. И теперь все говорили, что это Витина берёзка. Я часто к ней подхожу, обнимаю её и разговариваю. Наверно она даёт мне какую-то энергию.

– Завтра, после школы пойду к деду Степану, – подумал я, обняв свою берёзку, – буду у него спрашивать про войну.

Мне было всегда интересно всё, что происходило рань-

ше с моими бабушками и дедушками. Я знал, что их предки приехали в Казахстан откуда-то из-под Воронежа в прошлом веке после отмены крепостного права на освоение новых земель и охрану границы с Китаем. Моих прадедушек и прабабушек привезли в 5-6-летнем возрасте. Так что мои бабушки и дедушки родились в Ушарале, а уж тем более мои родители.

Дед Алексей был высокий, стройный и очень худой. Его всегда мучил желудок, но выпить любил, и был очень шустрым. В два счёта мог сбежать в магазин за бутылочкой. Баба Уля была чуть полноватой, тихой женщиной и очень нас любила. Она долго работала на хлебопекарне, потом была домохозяйкой, и сейчас на пенсии.

Дед Алексей служил в кавалерии, а потом перед войной работал завхозом в районном потребительском союзе. Когда началась Великая Отечественная война, его почти сразу забрали на фронт. Несколько недель он был в учебном центре на ускоренной подготовке. По пути на фронт ему стало плохо, обострилась язва желудка, и открылось кровотечение. У него вообще был желудок слабый. Уже под Москвой деду в госпитале сделали операцию и удалили большую часть желудка. Он долго лежал в госпитале, еле выжил, и потом его комиссовали и отправили домой долечиваться. Так что дед Алексей на фронт не попал и всегда мучился с желудком.

А вот дед Степан был высокий, сильный и крупный мужчина. До войны работал кузнецом на машинотракторной

станции, как говорят – был сажень в плечах. У него ладони были – моих две и очень натруженные. Он сильно хромал, можно сказать припадал на одну ногу. У него пятки на правой ноге практически не было из-за серьёзного ранения. И вообще он был весь в шрамах. Было видно, что на войне ему досталось по полной программе и даже больше.

На войну его забрали в 1942 году, была бронь, как кузнеца МТС. Но он все-таки допросился у начальства и его добровольцем отправили на фронт. А уже в конце 1944 года он вернулся на костылях, весь израненный, хромой, но живой. У него было несколько наград, одна из них медаль «За отвагу». Но он никогда почему-то награды не надевал и на парады не ходил. Только когда выпивал сто грамм, вспоминал, всё время плакал и говорил, что на войне был такой ужас, что страшно рассказывать.

– Всё, что показывают в кино и пишут в книжках это только маленькая частица всего того ужаса, что было и происходило там, на войне, – говорил дед. Он даже как-то обмолвился, что был в плену, бежал и снова воевал, и вновь плакал. Больше мы от него не могли ничего добиться. Хотя я знал, что мой дед Степан настоящий мужик и очень смелый и сильный человек, ведь просто так не награждают медалью «За отвагу». И даже его, физически и духовно сильного и смелого человека, война просто сломала на всю жизнь.

Жена деда, баба Саня, была худенькая и очень бойкая женщина, говорила быстро и напористо. О таких люди гово-

рят: женщина – огонь, палец в рот не клади. Она до войны и во время войны работала в колхозе и считалась труженицей тыла.

Ничего более конкретного о войне я никак не мог узнать у деда Степана. А разговорить его можно было только после ста граммов водки или стакана вина, хотя пил он редко, по праздникам, как и все. Когда я раньше спрашивал его о войне, он отнекивался и говорил:

–Как вырастишь внучек, расскажу тебе всё, ничего скрывать не буду.

–А завтра первое сентября и я иду в 10 класс, – думал я и решил, что уже вырос и теперь дед мне всё расскажет.

В школе первого сентября было как обычно. Мы приветствовали первоклашек, а все приветствовали нас, десятиклассников. После лета приятно было встречаться с одноклассниками Таней Чукреевой, Тамарой Караман, Колей Косенко и другими ребятами. Мы в классе дружили почему-то вчетвером. Таня с Тамарой сидели за партой за нами, а мы с Колькой вечно оборачивались к девочкам, за что постоянно получали замечания от учителей.

Я учился хорошо на четвёрки и пятёрки, Тамара училась как я, а Таня была отличницей и зачастую мы у неё списывали домашние задания и контрольные. Только Кольку мы всё время тянули за собой, и учился он в основном на тройки. Я с Колькой дружил и сидел с ним за одной партой уже давно. Колька был здоровяк от природы и всегда меня защи-

шал. Я тоже был не хилый и постоянно занимался спортом, тягал гири, штангу, крутился и подтягивался на турнике. Но у Кольки руки были очень сильными, и он борол руками всех в классе. Я всегда помогал ему учиться, решал контрольные задания, давал списывать, подсказывал на уроках. И вообще, у нас была дружная четвёрка. На праздники мы дарили друг другу подарки и из школы зачастую шли вместе. Мы были просто друзья.

Вот и прозвенел первый звонок для первоклашек и последний для нас, десятиклассников. Мы с Колей девчонкам принесли по букету цветов, не забыли и учителей, благо у каждого дома росли цветы. Всем было весело и немножко грустно, потому что быстро лето пролетело, и нужно было продолжать учёбу. Все возбуждённо делились новостями и ещё долго не расходились по домам.

Дома я предупредил родителей, что после обеда пойду с ночёвкой к бабе Сане, а утром от них сразу в школу. Мне разрешили, и я стал собираться, но мысли о том, что нужно сегодня разговорить деда Степана, не покидали меня.

– Ты там сынок, передавай привет родителям, – напутствовала мама, – да помоги им, может что-то им надо сделать. А то я никак не вырвусь к ним, уже неделю не была.

– Ладно, сделаю, – ответил я и сел за стол.

На обед баба Уля сварила вкусный борщ с мясом и испекла в русской печи изумительный хлеб. И вообще, бабушка готовила очень вкусно.

Я вспомнил случай, когда мама работала в женской консультации санитаркой, у неё всегда болел желудок. Она прибежала с работы и сразу наливала себе еды. Ела быстро, что бы боль прошла. Как-то она также быстро налила из кастрюли еды, похожей на суп, попробовала, не вкусно. Подсолила, всё равно не вкусно, ещё подсолила. Она всё доела, но черпаком, когда наливала, за что-то цепляла.

Вечером, когда все сели за стол, мама спросила бабу Улю:

– Мам, а что сегодня такой суп был не вкусный и мясо вы что-то не доели?

– Какой суп, я варила сегодня борщ без мяса и начала наливать всем борщ.

– А что там было в большой кастрюле? – забеспокоилась мама.

– Так это же помои, все тарелки, ложки я помыла после обеда, оставила для свиней, и тряпка там лежит, которой посуду мыть.

Мы все закатились от смеха, и уже было не до ужина. После этого мы часто вспоминали эту историю.

Бабушкин хлеб всегда был вкусный, домашний и пышный и обычно мы с братом отрезали по краюхе, чуть мочили водой, посыпали сахаром и уплетали с большим удовольствием.

– Да не таскайте вы куски, сядьте за стол, да ешьте, – ворчала она.

Я помню, наши деды ещё как-то общались, а вот бабушки

не дружили с молодости и это мягко сказано. Когда отец за-сватал маму, баба Саня была категорически против, что Маруся выходит за бедного Ивана.

– За Ваньку пойдёшь, только нищету плодить! – ворчала она. Но Маруся любила отца и настояла на своём.

На праздники обычно все дружно собирались вместе или у нас или у Яковенко. Мамина сестра Зина потом вышла замуж за Яковенко Сашку, так все его звали и он был моим крёстным отцом. У них родились две дочки Таня и Полина. Я почему-то всегда дружил с Таней, хотя она была старше меня на два года, а Полина казалась всегда маленькой.

Так вот, когда все собирались за столом, бабушки практически не общались, а всё старались друг друга подколоть, съязвить и обе были остры на язык.

И вдруг, когда я собирался ночевать к бабе Сане, баба Уля неожиданно сказала:

– Внучек, возьми в кладовке пару булок хлеба, отнеси сватам, ведь они хлеб покупают, а у нас хлеб свой, вкусный. Я замер от неожиданности, буркнул, – хорошо, – и пошёл собираться.

Дед Степан и баба Саня были дома, во дворе стоял накрытый стол, и они пили чай. Я поздоровался, отдал бабы Улин хлеб и передал привет. Баба Саня смотрела на меня с удивлением, но ничего не сказала.

– Здравствуй внучек, садись с нами чай пить, – предложил дед. Я сказал, что пришёл помочь и с ночёвкой. Они обра-

довались, бабушка налила чай. А чай у них всегда был особенно вкусным, с томлёным молоком.

– Как там мать с отцом, как здоровье у сватов, – спросила бабушка.

– Хорошо, – ответил я, глядя на неё удивлёнными глазами. Такого за ней никогда не наблюдалось.

– Наверно принесённый мной хлеб на неё подействовал, – подумал я.

И тут я заметил, что мой дед Степан навеселе. Бабуля, увидев мой взгляд, недовольно сказала:

Да, сват Алексей недавно забегал, так они выпили бутылку вина с дедом. Я обрадовался, – может теперь дед расскажет мне про войну, – подумал я. Мы сидели втроём пили чай с печеньем и булочками. Постепенно я начал разговор.

– Деда, а я уже сегодня, пошёл в десятый класс, – издалека начал я. Дед Степан заулыбался.

– Да, ты уже стал взрослым, как быстро летит время. Вроде недавно в школу пошёл, а гляди мать, уже наш внук в десятом классе.

– Ну да деда, ты давно мне говорил, что когда я стану взрослым, ты мне расскажешь о своей жизни, как ты воевал на войне. И вообще мне всё это очень интересно.

Дед лукаво посмотрел на меня и вдруг, вздохнув, сказал:
– Ладно, внучек, расскажу я тебе про свою жизнь, тем более ты у нас с ночёвкой, до утра времени много. Да и наверно время пришло тебе всё рассказать.

Мы сидели за столом, пили чай, солнце было ещё высоко, и дед Степан приготовился начать свой рассказ. Баба Саня сидела рядом и прислушивалась к нашему разговору.

– Давай дед, рассказывай, может и я, чего-нибудь добавлю, – сказала она.

– Ты мать лучше чайку ещё вскипяти, а то у нас с внуком разговор будет долгий, – заметил дед и начал долгожданный рассказ:

– У моих родителей Якова и Дарьи нас было четверо: Афанасий, Иван, я и Екатерина. Афонька и Катя рано умерли, время было тяжёлое, врачей не было, и они чем-то заболели. Мы остались одни с братом Иваном. Отец работал кузнецом и был очень сильным человеком. Я то что, вот отец у меня был первым силачом на селе, так все люди говорили. Дорог тогда не было, это сейчас хоть улицы засыпают гравием, а тогда по улицам была грязь непролазная по калено и большие лужи, где зачастую застревали брички с грузом и лошади не могли их вытащить. Так Яков, отец мой бывало, едет на мельницу гружёный, а бричка с лошастью и застряла. А он побряхтит, слезет с брички и приговаривает:

– Эх ты, Серко, – так звали лошадь, – что ж ты милый не можешь вытянуть, ну сейчас я тебе помогу.

Он становился сзади брички, упирался плечом, и так резко толкал, что она выскакивала из грязи, а Серко падал на колени от резкого толчка.

– Ну, вот и всё милый, я тебе помог, бормотал он, садясь

на бричку, и продолжал свой путь. Вот такой был мой отец, не сильно разговорчивый.

Моя мама, Дарья была ласковой и доброй женщиной, занималась домом, детьми, хозяйством. Да из хозяйства у нас то было, корова, Серко, да курочки. Жили тогда бедно, сажали большие огороды. Своей земли то почти не было, всего два гектара пашни, которые отец засевал зерновыми. На хлеб да на корм скоту только и хватало, и то, половину забирали. А в коллективизацию и последние гектары забрали в колхоз. Так и жили, что вырастим в огороде, и что наменяем. По молодости мы с братом Иваном шkodничали, но без злого умысла. То с парнями подерёмся из-за девчат, то в сад за яблоками залезем, хотя своих было достаточно. За что всегда нам попадало от родителей. Бывало, отхлещет нас отец ремнём, или подзатыльников надаёт. А рука то у него была тяжёлая.

Когда парнями выросли, то до девчат стали похаживать, на вечеринки, да на посиделки.

Услышав это, баба Саня встрепенулась и воскликнула:

– Что ты дед плетёшь внуку про девок, как тебе не стыдно.

– Ничего, он уже взрослый, – парировал дед. А баба Саня не унималась.

– Ну да, я же помню, уже меня засватал, выхожу в огород, а он с соседкой, Нюркой целуется. Вот такой был твой дед, любви обильный, со смехом выдала она, – так я ему потом дала чертей, чтобы по чужим девкам не шастал.

– Да какие же они чужие, они соседки, – засмеялся дед, – тебя-то я сосватал, вы же тоже соседями были, а то, как бы ты увидела, что я с соседкой Нюркой целовался.

Мы дружно засмеялись, а дед продолжал:

– Так мы с Санькой и поженились, боевая она была, не раз мне по щекам давала, за то, что я на других посматривал, ох и ревнивая была. Да и сейчас ей палец в рот не клади, откусит.

– Ах ты, дед, ещё и на других девок он засматривался, я и сейчас ревнивая, – со смехом заявила бабуля.

Дед снова засмеялся и продолжал:

– Четверо детей у нас родилось, вначале Митя, потом Маруся, Пашка и Зина. Да ещё у нас жил младший брат Саньки, Павлик Наточев, после смерти родителей. Тогда беднота была беспросветная. Очень жалею теперь, что детей не выучил, по четыре класса всего закончили. Носить тогда было не чего, и не в чем было ходить в школу. Это сейчас грех жаловаться, а тогда это была просто беда.

Я тогда работал и в охране и в колхозе, потом уехал с семьёй в Аягуз, а потом снова вернулся, хотя Маруся оставалась здесь с бабушкой Дашей. Кузнечному делу то меня отец научил, и я работал у него молотобойцем. А когда отец умер, образовалась МТС, и я пошёл туда работать кузнецом. Много работал, с утра и до ночи. Санька тогда работала в колхозе. Так и жили потихоньку до самой войны. А когда война началась, жить совсем не возможно стало. Кушать было

нечего, всё отправляли на фронт. Ели всё то, что хоть чуть – чуть было съедобным. Бывало, прибегали Маруся с Зиной, приносили обед, а обед то весь – молоко да непонятный из чего кусочек хлеба, который то и хлебом не назовёшь. И это на целый день.

Я постоянно просился на фронт, но меня не отпускали, у меня была «бронь» кузнеца. А фриц уже пёр до самой Москвы, и я уговорил своего директора отпустить меня на фронт. Вместо себя я оставил парнишку, молотобойца.

Дед замолчал, пристально смотря куда-то вдаль, как будто смотрел в то, пережитое время, медленно закурив папиросу, продолжал:

– На проводах все плакали, особенно младшие. Санька сквозь слёзы напутствовала:

– Защищай Степан Родину и нас всех, только вернись домой с победой и живой.

Я тогда удивился и засмеялся:

– Ну, ты мать как на собрании выступаешь, а что касемо победы, так ты родная, не сомневайся, мы фрицам проклятым глотку перегрызём, но победим.

Провожали меня всей семьёй. По пути на сборный пункт, я забежал на МТС к директору. Директор у нас был не молодой, серьёзный, можно сказать, суровый мужик. Посидели мы с ним немного, помолчали. Я видел, что он волнуется:

– Вот так значит Степан, идёшь добровольцем! – он встал и продолжал, – знаю тебя с детства, вырос ты нормальным

мужиком, так не посрами нашу Родину и нашу МТС, бей эту поганую сволочь, этих фашистских гадов, мы на тебя надемся, – и первый раз за всё время по-отечески обнял меня и расцеловал. И показался он мне тогда не таким уж и суровым человеком, как раньше. От этого мне стало приятно, тепло и я вышел из МТС взволнованный и радостный. А тут ещё Санька рассмешила. Конечно, провода на войну это не радость, ну и моя жена видно растерялась и всё время приговаривала:

– Ты там Стёпа береги себя на фронте, не простудись.

– Ни за что не простужусь, – отвечал я, – там, на фронте климат очень теплый, мягкий. И горько мне было расставаться с семьёй и повеселело на душе от этих глупых бабьих слов. Дети плакали, прижались ко мне, особенно Маруся и Зина, а я всё думал: – как же они теперь будут жить без меня. Я подозвал к себе старшего, Митю, и напутствовал:

– Сынок, ты теперь остаёшься старшим. Береги мать, сестёр и брата.

– Хорошо отец, – глухим и дрожащим голосом ответил он и опустил голову, пряча глаза полные слёз.

– Была команда «по машинам» и мы уезжали в неизвестность и не знали, что нас ждёт там, на войне, останемся ли мы живые или погибнем. Мы даже не предполагали, что будет там так ужасно и не выносимо тяжело.

Дед замолчал на минуту, лицо его было бледным и сосредоточенным. Я с замиранием сердца слушал рассказ деда и

боялся, чтобы он его не прервал. Дед отпил чаю, успокоился и продолжал:

– Мы ехали на фронт, и не ждали, что противник будет слабый. Но что придется воевать с этой фашистской гаденой, в которой не было ничего человеческого, мы не могли даже предположить.

Под Алма-Атой мы прошли быструю подготовку и нашу часть отправили под Москву. Там как раз развивалось наступление, тогда фашистов отбросили от столицы. Морозы в то время были сильные, и хотя мы были, тепло одеты, мороз пробирал до костей. Мы наступали и в первый же день захватили пленных. Как сейчас помню, были они испуганные, бледные, закутанные в какое-то тряпье и некоторые бойцы от жалости давали им поесть, курить. А один старый служака, смотря на это, вдруг отрезал:

– Что сопли распустили, жалко фрицев стало. Вы бы посмотрели, что эти сволочи, делают за линией фронта, как они обращаются с нашими пленными и мирными жителями, как грабят, насилуют и убивают наших женщин, малых детей и стариков. А вы тут есть, им даёте, покурить, – и с сердцем сплюнул на землю. Сказал, будто холодной водой окатил и ушёл.

– Конечно, бойня была страшная, снаряды и бомбы, просто сыпались на нас, кругом была кровь и смерть. Кого сразу убивало, кого разрывало на части, а кого ранило. Многих просто засыпало землёй. Бывало, лежишь на дне окопа и ду-

маешь или ты живой или ты мёртвый. Была какая-то не реальность происходящего. Рот раскрываешь по шире, что бы перепонки ни полопались, потом долго ничего не слышишь. А уже нужно стрелять, эти гады, прут в атаку.

За несколько ожесточённых боёв от нашей роты осталось половина. Мужик то я был крепкий и был пулемётчиком, но умел обращаться с любым оружием. Если пулемёт заклинило или кончались патроны, хватаешь у убитого товарища автомат или винтовку и дальше ожесточённо стреляешь. А потом идёшь в атаку. Бывало, одна деревенька переходила по четыре, пять раз из рук в руки. Когда немцы атаквали и перед наступлением обрабатывали наши позиции артиллерией и бомбили, был просто ад.

Дед резко замолчал, желваки ходили на лице, руки дрожали. Я понимал, что ему даётся рассказ очень тяжело.

– Деда, отдохни, попей чайку, – тихо промолвил я. Дед отхлебнул остывшего чаю и жадно закурил.

– Вот так внучек, мы снова пошли в наступление и такого насмотрелись, что не дай тебе Бог. Сожженные деревни дотла, тысячи расстрелянных, изуродованных и изнасилованных женщин, девочек, детей и стариков, расчленённых пленных красноармейцев.

Он замолчал и заплакал, я тоже плакал, уткнувшись в его плечо. Пауза была не долгой. Баба Саня принесла горячего чаю. Это нас немного успокоило, и дед продолжал:

– Дальше внучек, было ещё больше и страшнее, Что мы

только не видели, каких только зверств нам не пришлось на-смотреться, сваленные в кучу трупы убитых и изуродованных бойцов и гражданских. Мы просто порой сходили с ума от увиденного и не могли поверить, что это всё делали люди. Хотя людьми их не возможно было назвать. Чистые лю-тые звери, фашисты в человеческом облиции. И невозможно рассказать словами, всё то, что мы видели.

Дед снова судорожно закурил и задрожал от нахлынувшей ненависти к этим извергам.

– Ты представляешь внучек, как мы озверели на этих га-дов, как мы их ненавидели, – продолжал дед, – мы после это-го воевали сильно отчаянно. Со своего пулемёта я косил их, без сожаления. Бывало, напьются шнапса и прут в штыковую атаку. И тут мы косим их как поганую траву. Много своих мы потеряли, но фашистов положили на много больше.

Уже была весна, а мы наступали очень медленно, почти топтались на месте. Немцы ожесточённо сопротивлялись и я никогда не думал, что я попаду к этим гадам в плен.

В тот день мы отступили, и меня ранило в ногу, не сильно, кость была не задета, но крови я потерял видимо много. Ле-жу в кустах, а наши войска уже отступили, сознание у меня помутнело. Очнулся, рядом никого, рану быстро перевязал. Пулемёт я бросил там, где меня ранило, так как ползти с ним было не возможно. У меня остался только трофейный писто-лет. Я пополз под кустами, смотрю, дорога и по ней несётся тачанка, запряжённая двумя лошадьми. Ещё издавека, я стал

махать и кричать, что бы меня подобрали, но меня видели и не остановились. Я с сожалением посмотрел тачанке в след.

А в тачанку, пролетевшую мимо, через метров сто, попал снаряд, и всё разлетелось в стороны. Я подковылял к тому, что осталось, все были мертвы и разорваны в клочья, лошади тоже не выжили. Я посмотрел, продуктов не было, нашёл два куска хлеба и семечки подсолнуха. Подобрал хлеб и насыпал семечки в карманы на всякий случай. Отполз от этого места в лес, а сам думаю, сел бы на тачанку и меня бы уже не было. Потом я выломал палку и сделал типа костыля и медленно заковылял на восток.

Сколько времени прошло не знаю, видимо от того что много крови потерял, всё было как в тумане. Я видимо вскоре потерял сознание, а когда очнулся, надо мной стояли три немца с автоматами. Я медленно поднялся на ноги, немцы что-то говорили и тыкали в меня дулами автоматов. Потом обыскали, забрали пистолет и хотели расстрелять. Я кричал им, «убейте, убейте меня проклятые фрицы». Но они гоготали и говорили, что я «русишен швайн». А один здоровяк сказал на ломаном русском языке «работать», и они меня погнали на дорогу. Когда я ковылял по дороге, и встречались немцы, то они били меня, чем попало. Кто руками, кто ногой ударит, а кто прикладом, да так, что икры из глаз летели. И всегда гоготали как звери. Это они так развлекались.

Дед скрипнул зубами, и в глазах у него была такая ненависть, что мне стало жутко и страшно.

– Я падал, вставал, меня снова били, я снова падал и вставал. Меня спасло то, что я был здоровый и сильный, – продолжал дед, – иногда хотелось лечь и умереть. С трудом преодолевая головокружение и тошноту, я шёл, а значит, был ещё жив. На опушке леса, нас всех пленных построили. У меня голова, руки всё было в крови от побоев, рана ещё сочилась. Боли я уже не чувствовал, а была страшная жажда. Во рту у меня пересохло, а в глазах плыли чёрные круги.

– Как напьюсь, отдохну и убегу, – думал я. А куда бежать с прострелянной ногой я не понимал. Большинство пленных были ранены и все были мне не знакомы. Немецкий офицер на ломаном русском языке спросил, есть ли среди нас командиры и комиссары. Никто не вышел. Потом он спросил, есть ли среди нас евреи, юде, все молчали. Офицер, молча, прошёл по рядам и сам выбрал человек пятнадцать похожих на евреев. Среди выбранных были не только евреи, но и смуглые пленные других национальностей. Всех их отвели в сторону и расстреляли из автоматов на наших глазах.

Нас колонной погнали на запад. Если кто из пленных отставал или падал, их тут же пристреливали и бросали на дороге. Мы подходили к речке. Немецкие танки и машины взбаламутили воду, и она была коричневой от грязи. Но мы её пили и пили. Я весь окунулся, и мне стало легче.

Вечерело, мы шли уставшие, измученные и голодные. Вскоре нас остановили, отвели от дороги и выдали лопаты, и заставили копать большую яму в рост человека. Через

несколько часов мы её выкопали и нас, кто работал на верху, потолкали в яму. Мы поняли, что это наш ночлег и чтобы мы не смогли ночью убежать. Два охранника нас охраняли, а остальные всю ночь пили шнапс ели и горланили песни по-немецки.

К утру человек двадцать или тридцать умерли от ран и побоев. Нас заставили, кто остался живой, их закопать в вырытой яме. А тех, кто ещё был живой и не смог выбраться и идти, тоже закапали живьём вместе с мёртвыми. Мы слышали стоны крики, но нас под дулами автоматов заставляли закапывать. Кто не делал этого, пристреливали.

Потом нас погнали дальше, и так продолжалось трое суток. Шли мы медленно, но немцы никуда и не торопились, они просто над нами издевались и получали от этого удовольствие. А пили мы тогда, когда на пути у нас попадалась какая-то вода. По пути к нам подстраивали всё новых и новых пленных. Получался какой-то конвейер, на место умерших и расстрелянных пригоняли новых пленных, и количество нас практически не уменьшалось.

Мы очередную ночь сидели изнурённые и голодные в новой яме и вдруг нам туда немцы бросают разрубленную дохлую корову. Что здесь началось. Мы кинулись на эту дохлятину и рвали мясо зубами и когтями. Мы просто обезумели от голода и рвали мертвичатину, стараясь хоть что-то съесть. Это было что-то страшное. А немцы, видя это безумие, ржали и гоготали, показывая на нас пальцами.

Потом нас загнали в какой-то лагерь, территория была огорожена колючей проволокой, и это был просто ад. Люди испражнялись тут же, грязь, вонь. Все лежали на земле в грязи, а тут ещё пошли дожди. Кто был слабее, так и оставался, где лежал. Трупы не убрали по несколько дней. Воду и пищу нам стали давать раз в сутки, да и разве это едой назовёшь? У многих раненых в ранах завелись черви. Лагерь превратился в сплошной ужас, крики, стоны, это не возможно было вынести. Мы все стали живыми скелетами, а охранники, смотря на этот ад, всегда хохотали. Они были просто «не люди». В тот момент я готов был их грызть зубами, душировать руками, вот такая была дикая ненависть. А стреляли они в нас просто так. Смеются, смеются, а потом как положонут по нам очередью из автомата, так человек десять, пятнадцать остаются лежать в грязи. Это они так развлекались. И били нас просто так от скуки и для разрядки. Спали мы в грязи тут же, сбиваясь в кучки, и ночь была не сон, а страшная мука.

Потом нас стали гонять на строительство укреплений. Если гнали через деревню, то из уцелевших домов выбегали женщины, дети и старики и кидали нам в строй что-нибудь съедобное. Кто успевал подобрать, а кто-то и не успевал, падал. Таких пленных, немцы просто расстреливали. Они стреляли очередями поверх голов, не давая нам подбирать продукты.

Дед снова замолчал, опустив голову на грудь, тихо пла-

кал. Я обнял деда, у меня и у бабы Сани тоже лились слёзы. Мы кое-как успокоились. Оказывается, бабушка не знала всех этих подробностей. Дед никогда, и ни кому всего этого не рассказывал.

Уже стало совсем темно, и мы пошли в дом. Баба Саня накрыла на стол, налила всем суп, а деду налила стопку самогона.

– Ах ты мать, где прятала? – строго спросил дед.

– Да не прятала я, на растирания оставляла, – лукаво заметила баба Саня.

– У тебя сегодня трудный день, вот и налила, что бы ты немного успокоился.

Дед залпом выпил и крикнул от удовольствия.

– Если ещё одну нальёшь, не откажусь, – слукавил дед.

– Всё, хватит дед, – строго сказала бабушка и убрала бутылку, – вон стопка то стограммовая, а то больше нам с внуком и ничего и не расскажешь, заснёшь.

Нервы у деда, конечно, были на пределе, а меня от возбуждения била мелкая дрожь. Есть не хотелось, но мы перекусили. Я понимал, что нас ждёт бессонная ночь и продолжение рассказа. Баба Саня постелила мне в одной комнате с дедом, что бы нам было удобно разговаривать. Сама тоже не уходила, что-то вязала и ждала продолжения. На улице уже была ночь, светили звёзды, да и луна была полной и яркой.

Когда начали раздеваться, я внимательно смотрел на тело деда. Оно было во многих местах в шрамах. На руках, на

плечах, спине и животе, везде были мелкие и крупные шрамы. О ногах я вообще не говорю, одна нога была просто искорежена и тоньше, чем здоровая.

– Деда, а что это за шрамы, – спросил я осторожно и тихо.

– А это внучек от лёгких ранений на войне и фашистских побоев, только вот с ногой было всё серьёзно, но об этом попозже расскажу.

Мы легли в кровати, баба Саня осталась с нами, свет не выключали, наступила тишина. Видно было, как дед собирался с мыслями. Потом он тяжело вздохнул и продолжал:

– И всё-таки, мне повезло, внучек, мне посчастливилось бежать. Как-то нас гнали на работы через деревню. И вдруг началась стрельба, автоматные и пулемётные очереди. Несколько охранников упали как подкошенные. Началась паника, суматоха, и я незаметно юркнул в щель под забором и быстро пополз по высокой траве. На улице стреляли, орали, а потом всё стихло, и я услышал, что немцы громко кричали: «партизанен, партизанен». Я ещё отполз и вдруг услышал, что кто-то тихо меня зовёт. Пожилая женщина звала меня к себе жестами. Я заполз в сарай, она быстро откинула солому и открыла люк.

– Быстро туда спрячься, здесь тебя не найдут, – прошептала она. Я быстро спустился вниз, и крышка захлопнулась, зашуршала солома. Было темно и тихо. Я руками пошёл по стенке, оказалось, подвал был не большой, но человек десять в него могли поместиться. На полу было много соло-

мы, пахло свежестью и теплом. Я лёг и стал ждать. Я не верил случившемуся, моему чудесному спасению. Видно было, что в этом подвале люди уже прятались от фашистов. Не знаю, сколько прошло времени, но я чувствовал, что много. Я задремал и наконец, услышал шуршание соломы и люк открылся.

– Вылезай, – услышал я тихий шёпот той же женщины. Я тихо вылез, была глубокая и тёмная ночь и тишина. У меня защемило сердце.

– Неужели я на свободе, – с удовольствием подумал я.

– Пойдём в хату, накормлю тебя, только тебе много нельзя есть, а то помрёшь, – тихо сказала она.

– Как тебя зовут? – Степан, – вздохнул я. Она зажгла лучину, окна плотно закрыла шторками, – а меня тётка Марфа.

На столе появились картошка в мундирах, молоко, краюха хлеба. Я немного поел и меня затошнило.

– Хватит, сказала она, – давай помойся немного, а то на тебя страшно смотреть. Не бойся, в деревне немцев нет, приезжают иногда пограбить, да вот вас, пленных через село гоняют, но только днём.

Она принесла теплой воды, корыто.

– Давай Степан раздевайся, – сказала тётка Марфа, – да не стесняйся ты, там не на что смотреть. Я быстро помылся, она помогала, в доме никого не было.

– А где все ваши родные, – тихо спросил я.

– Да два сына, таких как ты, воюют, где-то, ни слуху от

них, ни духу. Может, и писали, но мы сейчас под немцем в оккупации. А дочку угнали в Германию. Что теперь с ней и где она, не знаю. Говорят, издеваются фашисты, над нашими детьми вон, что с тобой сделали, – и заплакала.

– Мужа на днях вот убили, изверги, – плача, рассказывала она, – сказали, что он партизан. Да какой он партизан, за семьдесят уже перевалило. Вот и осталась одна.

– Сам-то откуда будешь Степан, вдруг спросила она.

– Да в Казахстане, считай, на границе с Китаем я живу. А мои предки из-под Воронежа переехали ещё в прошлом веке. Так и живём там дружно с казахами, да и русских там много и другие национальности живут.

– Да милоч, далеко забросила Вас судьба, – промолвила тетка Марфа, будто знала где это, «рядом с Китаем».

– Везде живут люди, где нас нет, – многозначительно промолвила она.

Потом я всё ей рассказал вкратце, где живу, про семью, детей, как воевал, как был в плену, как бежал. Тётка Марфа только охала, да ахала и плакала, часто, вытирая глаза передником.

– Спасибо тебе большое тётка Марфа, что спасла меня от верной гибели, что накормила, обогрела. Не могу я подвергать тебя опасности, уходить мне надо. Тётка Марфа выслушала и промолвила:

– Да я же тебя как сына своего спасала, может и его кто-нибудь в трудную минуту спасёт, обогреет и накормит. Гос-

подь, то есть на свете!

– Я смотрел на эту не сгибаемую женщину с большим уважением и искренней благодарностью и крепко обнял её со слезами на глазах.

– Ты Стёпа давай с недельку у меня поживёшь в подвале, там тебя никто не найдет, проверено. А потом я тебя к нашим, партизанам сведу, – вдруг сказала она, – одежду оденешь моего мужа, она теперь ему не понадобится, а тебе вижу, будет в пору.

– Вот так я попал к партизанам, лежал у них в лазарете, а потом меня отправили самолётом на большую землю вместе с ранеными.

– Ого, деда. Так ты тогда и на самолёте полетал, не страшно было? А я вот ещё ни разу не летал, – воскликнул я.

– Нет внучек, не страшно. Страшнее того, что я видел и пережил, не бывает, – грустно ответил он.

Дед встал, накинул пиджак на плечи.

– Пойду, покурю, немного подышу.

– Я с тобой, – крикнул я и быстро оделся.

Мы сидели на ступеньках крылечка, я молодой парнишка, внук, и мой шикарный дед, обнявшись, и молчали. Каждый из нас думал о своём. Сидели два поколения, одно ещё зеленое, молодое и другое, взрослое, с исковерканной войной, судьбой. А я всё думал, как всё это мой дед выдержал, как он всё пережил? И я понял, что в нём, моём деде, негибаемый дух настоящего человека с большой буквы. И ни кто, и ни

что и никогда не сломит этого большого, честного, доброго и несгибаемого человека, моего деда Степана.

Было удивительно тихо, только звенели цикады, да изредка проезжали редкие машины.

– Деда, а за что тебя наградили медалью « За отвагу», – тихо спросил я.

– Давай, пойдём в дом, а то ты весь дрожишь, и я расскажу.

– Да нет, это не от холода, а от волнения, – оправдывался я.

Мы снова легли и дед продолжал:

– Меня месяц выхаживали в госпитале, а потом долго допрашивали, проверяли, не диверсант ли я. Тогда меня спас наш ротный. В то время он уже был майор. Он то и подтвердил, что я Шевченко Степан Яковлевич 1906 года рождения, а ни какой не диверсант. А медаль « За отвагу» я получил за три подбитых танка.

Мы как-то заняли узловую станцию и знали, что немцы пойдут в атаку, чтобы её отбить. Был приказ, за станцией окопаться и отбить немцев. Мы быстро окопались, со мной как всегда пулемёт и много патронов, да несколько гранат. Мы приготовились, но немец стал нас обстреливать из орудий, взрывы рвались повсюду. Недалеко от меня сразу убило моего знакомого Петра – бронебойщика и его напарника, Ивана. Я это увидел после обстрела. А тут фашисты пошли в лобовую атаку. Ну, я их и начал из своего станкового пу-

лемёта косить, как всегда. А они прут и прут, одни залягут, другие встают и снова идут на нас. Накосили мы их порядочно, мои сослуживцы тоже постарались. В общем, отбили мы эту атаку. А они решили нас танками раздавить. Смотрю, восемь танков на нас прут, не сбавляя хода, пехота залегла и ждёт, когда танки выедут вперёд.

Вот я и схватил противотанковое ружьё погибших моих товарищей. В первый танк прицелился и ударил по гусенице. Он остановился и завертелся как уж на сковородке. Второй был уже совсем близко, и я выстелил прямо в щель смотровую, он и загорелся. Смотрю, справа второе ружьё бьёт по танкам, и один загорелся. Ну а третий танк я тоже в гусеницу попал. Четыре остальных ещё проехали немного и стали пятиться назад. Пехота отползала под нашим огнём и ребята из соседнего взвода ещё два танка подожгли бутылками с зажигательной смесью.

В это время, наш ротный выскочил из окопа и закричал: – «В атаку, за Родину, урааааааааа», – и мы, кто остался живой, выпрыгивали из траншей с криком «ура» пошли в атаку. Рукопашный бой – это самый страшный бой. Бежишь и уже ни чего не замечаешь, только одна злость и ненависть в тебе кипит без устали. И бьёшь ты этих паразитов, чем придётся, душишь, давишь, режешь, рвёшь зубами, бьёшь прикладом, колешь штыком или рубишь сапёрной лопатой. И ни жалости у тебя нет и ни сострадания, просто уничтожаешь этих гадов, «не людей» проклятых. Так и то-

гда было, в том рукопашном бою. Положили мы их огромное количество, что после этого они больше не сунулись.

После боя ротный вызвал меня, посадил и говорит:

– Ты Шевченко, три танка подбил?

– Я, товарищ капитан, – отвечаю.

– Ну, молодец, дали мы им сегодня жару, надолго запомнят, и крепко пожал мне руку. Мы закурили, а ротный продолжал:

– Да, Степан, видел я как ты эти гадов бил из пулемёта, а потом стрелял виртуозно по танкам. А уж когда в рукопашную атаку пошли, я увидел, как ты орудуешь штыком и прикладом, рвёшь их зубами и душишь руками, мне стало страшно. Где ты этому научился? – спросил ротный.

– Были учителя хорошие в плену, – с ненавистью и злостью ответил я.

– Представлю тебя к награде, – сказал он и по-отечески обнял меня.

А через некоторое время, мне перед строем вручили медаль «За отвагу».

Потом меня сильно ранило в ногу, сильно задело кость. Я долго лежал в госпитале, рана гноилась и не заживала. Я постоянно просился да фронт, что бы добить эту поганую нечисть, но медкомиссия была непреклонна.

– Как ты будешь воевать? – всё спрашивал пожилой военврач, – ты же ходить без костылей не можешь? Но я всё твердил, что научусь, смогу. А одна врачиха пожилая со сле-

зами на глазах промолвила:

– Как же нужно было исковеркать твою судьбу, что бы так рваться на фронт уничтожать эту нечисть, – не можем мы тебя отправить на фронт, пойми ты наш дорогой человек.

Короче, меня комиссовали подчистую. Так я добрался домой в 1944 году на костылях. Добирался долго, на чём только не пришлось ехать, а из Андреевки, соседнего района, знакомый казах Жокен на бричке привёз. Мир не без добрых людей. По пути все помогали, кормили, давали ночлег, продукты в дорогу, помогали, как могли. После того, как я насмотрелся на войне, здесь жизнь мне казалась раем. А сколько добрых людей у нас живёт, никогда не забуду эту доброту, – у деда снова на глазах заблестели слёзы.

– Нога ещё долго не заживала, гноилась, Санька с девчонками выхаживали меня, лечили народными средствами. Так и выкарабкался, вот теперь хромаю, можно сказать ковыляю. Да и, Слава Богу, на своих ногах хожу, – закончил дед и замолчал.

– Деда, да ты же герой, воскликнул я.

– Да ладно внучек, какой я герой, я простой рабочий человек. Таких как я у нас миллионы, а сколько было героически погибших на этой войне, о подвигах которых мы вообще ничего не знаем. Нет внучек, я не герой, а один из тех, кто уничтожил эту нечисть, этот фашизм и победил в этой страшной войне.

Наступила пауза и каждый думал о своём, сна не было.

– Деда, а про Наточева Павлика расскажи, – не унимался я.

– Да я внучек был на войне, может вон бабуля твоя расскажет? – баба Саня встрепенулась.

– Да мало что я знаю, только из его писем, – начала она, – вообще Павлик, братишка мой, был очень способным и грамотным парнем, сочинял стихи и очень хорошо рисовал. Ушёл он на войну добровольцем, писал письма редко. Был он разведчиком, три раза они переходили линию фронта с заданием. Последнее письмо пришло в 1943 году. Он писал, что третий раз они идут в тыл немцам, написал стихи и на листочке карандашом нарисовал свой портрет. Я эти стихи как сейчас помню:

«В селе черты уж всем знакомы, когда-то вместе жили мы,
Теперь разъехались надолго во все концы нашей страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.